

УДК 316.6

DOI: 10.34670/AR.2020.94.97.004

Психологический кризис пожилого возраста в северном миграционно-подвижном регионе

Кузнецова Снежана Анатольевна

Кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры психотерапии и психологического консультирования,
Московский институт психоанализа,
121170, Российская Федерация, Москва, Кутузовский просп., 34, стр. 14.
e-mail: snejana.mgdn@mail.ru

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ (проект № 20-013-00579 «Территориальное самоопределение жителей северных миграционно-подвижных регионов (на примере Магаданской области и Республики Саха (Якутия))»).

Аннотация

Статья посвящена изучению переживания психологического кризиса пожилого возраста в северном регионе в связи с более ранним наступлением пенсионного возраста. В исследовании приняли участие 62 жителя Магадана в возрасте от 45 до 64 лет. Использованные методы: анкета, содержащая вопросы о миграционных намерениях, "Индекс жизненной удовлетворенности", опросник изучения временных перспектив ZPTI, авторская Шкала миграционных установок личности. Результаты показали, что более раннее наступление пенсионного возраста на Севере стимулирует наступление психологического кризиса пожилого возраста, особенно у мужчин: снижается жизненная удовлетворенность, ухудшается структура временных перспектив. В миграционно-подвижном регионе наступление кризиса пожилого возраста сопровождается увеличением распространенности миграционных намерений. Результаты показывают, что миграционные намерения и установки становятся и средством профилактики возрастного кризиса, и средством противостояния его негативным тенденциям.

Для цитирования в научных исследованиях

Кузнецова С.А. Психологический кризис пожилого возраста в северном миграционно-подвижном регионе // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2020. Т. 9. № 4А. С. 33-42. DOI: 10.34670/AR.2020.94.97.004

Ключевые слова

Пожилой возраст, психологический кризис пожилого возраста, удовлетворенность жизнью, временные перспективы, миграционные намерения, миграционные установки.

Введение

Согласно критериям ВОЗ, к пожилому возрасту относится диапазон 55(60)–75 лет. В отличие от детских возрастов, в которых кризисы возрастного развития более жестко привязаны к хронологическому возрасту, во взрослом возрасте и далее кризисы более вариативны. Даже биологический возраст зависит от экономических и социокультурных условий - уровень жизни (величина доходов), состояние здоровья, доступность здравоохранения и др. Но нас интересует психологический возраст - "объективная, культурно-психологически изменчивая, хронологически и символически фиксированная характеристика и стадия развития индивида в онтогенезе" [Большой психологический словарь, 2006, 78]. Согласно Л.С. Выготскому, психологический возраст представляет собой временной период, характеризующийся особой социальной ситуацией развития. Адаптация к выходу на пенсию представляет собой одну из наиболее существенных причин психологического кризиса пожилого возраста [Головей, Стрижицкая, Криулина, 2014]. Возраст выхода на пенсию, отраженный в законе, фактический возраст прекращения трудовой деятельности и наступление психологического пожилого возраста не всегда совпадают. Однако законодательное закрепление пенсионного возраста не может не оказывать влияния на переживание психологического кризиса пожилого возраста. В связи с дискуссиями о реформировании пенсионной системы и целесообразности повышения пенсионного возраста изучение этого вопроса становится актуальным.

Изучены факторы адаптации к выходу на пенсию. Это состояние здоровья, наличие внешних и внутренних ресурсов, в частности, социальной поддержки и доверительных отношений [Мелехин, 2015], свойства темперамента, индивидуально-психологические и личностные особенности, включающие степень зрелости эмоциональной, мотивационной и ценностно-смысловой сфер [Дубовик, 2011; Дворянчиков, Соколинская, 2017; Стрижицкая, 2017; Сулова, Жучкова, 2014]. Важную роль, особенно у мужчин, играет опыт трудовой деятельности, профессиональная идентичность [Дворянчиков, Соколинская, 2017; Головей, Стрижицкая, Криулина, 2014; Краснова, 2014]. Позитивным фактором является социальная активность, активный образ жизни в целом [Сулова, 2017], включение в образовательные программы [Беловол, Бойко, Радыш, Шурупова, 2015]. Стоит отметить важность копинг-стратегий [Мелехин, 2015], в частности, стратегии сохранения себя как индивида или как личности [Дворянчиков, Соколинская, 2017]. Кризис пожилого возраста сопровождается внутренней работой личности, направленной на принятие своего жизненного пути [Лидерс, 1998]; он проявляется в степени удовлетворенности жизнью [Neugarten, Navigherst, Tobin, 1961], в изменениях возрастной идентичности, тесно связанной с временной перспективой [Квасова, 2011]. Такие процессы начинаются с 40-45 лет, причем более негативная перспектива будущего обнаруживается у мужчин [Шеманова, 2012].

Мы предполагаем, что территории Севера и, в частности, Магаданская область, предоставляют уникальные условия для изучения закономерностей психологического кризиса пожилого возраста. Во-первых, до 2018 года северяне, согласно Указа Президиума Верховного Совета "Об упорядочении льгот для лиц, работающих в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера" от 1960 г, имели право досрочного выхода на пенсию - женщины с 50 лет, мужчины - с 55 лет. В настоящее время возраст выхода на пенсию в целом по стране сдвинулся на 5 лет, но для жителей Севера предпенсионного возраста предусмотрено его поэтапное увеличение. Исторически пенсионные льготы для жителей Севера являлись государственным средством стимулирования трудовой миграции из

центральных районов страны и компенсацией недостаточного качества жизни на этих территориях. Предполагалось, что работники по достижению ранней пенсии смогут вернуться в родные края. Такие условия явились объективной предпосылкой развития особых временных перспектив у северян, тесно связанных с миграционными намерениями.

В социологических исследованиях миграционные намерения изучаются путем анкетирования о желании или планах на переезд. Эти ответы основаны на миграционных установках, сформированных в большей или меньшей степени. Для социально-психологического изучения основ миграционного поведения, а также для более точного прогноза мы предлагаем использовать измерение миграционных установок. Они, по нашему мнению, являются разновидностью социальных установок, отличаются сложным объектом - территориями, которые сравниваются между собой в качестве мест жительства на основе системы мотивов и целей личности. Результатом являются миграционное поведение. Анализ миграционных установок личности, по нашему мнению, необходимо дополнять информацией об установках близких людей, а также их ожиданиями от субъекта [Кузнецова, 2013]. Миграционные намерения и установки не всегда однозначно связаны между собой. Миграционные установки лучше прогнозируют реальное поведение, миграционные намерения могут отражать лишь интенциональный или аффективный компонент установки.

Итак, **гипотеза** нашего исследования заключается в том, что более раннее достижение пенсионного возраста на Севере стимулирует переживание психологического кризиса пожилого возраста, имеющего специфику в миграционно-подвижном регионе: проявляется в снижении субъективного благополучия, негативных изменениях временных перспектив, усилении миграционных намерений и установок по сравнению с лицами, не достигшими пенсионного возраста.

Эмпирический объект исследования: в исследовании приняли участие 62 жителя Магадана в возрасте от 45 до 64 лет, средний возраст 53,4 года, 22 мужчины, 40 женщин. Экспериментальная группа - жители, согласно Закону о Севере, достигшие пенсионного возраста - 32 человека (9 мужчин и 23 женщины) в возрасте $M=57,81$; $SD=4,63$. Группа сравнения: не достигшие пенсионного возраста - 30 человек (13 мужчин и 17 женщин) в возрасте $M=48,6$; $SD=2,25$. Разброс данных обусловлен разным сроком выхода на пенсию у мужчин и женщин. Группы уравнены по уровню образования.

Методы

1. Анкета, включающая вопросы о занятости, семейном статусе, образовании, миграционных намерениях и их основаниях и т.п.

2. "Индекс жизненной удовлетворенности" [Neugarten, Navigherst, Tobin, 1961] в адаптации Н.В. Паниной [Life Line, 1993].

3. Опросник изучения временных перспектив ЗТРИ Ф. Зимбардо в адаптации А. Сырцовой, включающий шкалы: негативное прошлое; гедонистическое настоящее; будущее; позитивное прошлое; фаталистическое настоящее [Зимбардо, Бойд, 2010].

4. Авторская шкала миграционных установок личности, включающая шкалы общего интегрального уровня миграционной установки, миграционной установки самого субъекта, его близких и ожиданий близких от субъекта, каждая из которых оценивает когнитивные, аффективные, интенциональные и поведенческие компоненты миграционной установки [Кузнецова, Кузнецов, Фещенко, 2014].

Статистическая обработка результатов осуществлялась в программе IBM SPSS Statistics 23 с использованием описательной статистики, U-критерия Манна-Уитни, r-Спирмена. Использовался также критерий ϕ^* - угловое преобразование Фишера.

Результаты

Таблица 1. Результаты сравнения показателей Опросника временных перспектив в группах испытуемых (U- Манна-Уитни)

Группы сравнения		Группы независимо от пола		Группы мужчин		Группы женщин я	
		1 (N=32)	0 (N=30)	1 (N=9)	0 (N=13)	1 (N=23)	0 (N=17)
Негативное прошлое	M	3,19	2,85	3,08	2,84	3,09	2,85
	SD	0,42	0,53	0,47	0,37	0,39	0,62
	U	296,5**		13,500**		154,000	
Гедонистическое настоящее	M	3,02	3,11	2,89	2,89	3,07	3,27
	SD	0,40	0,31	0,35	0,2	0,34	0,27
	U	407,5		49,500		130,000*	
Будущее	M	3,63	3,62	3,66	3,69	3,64	3,57
	SD	0,23	0,39	0,27	0,34	0,27	0,41
	U	467,5		44,000		44,000	
Позитивное прошлое	M	3,61	3,62	3,63	3,59	3,58	3,65
	SD	0,56	0,34	0,34	0,30	0,61	0,36
	U	426,5		42,500		42,500	
Фаталистическое настоящее	M	3,19	2,69	2,89	2,61	3,14	2,76
	SD	0,46	0,40	0,56	0,46	0,48	0,34
	U	197,5***		13,000**		107,500**	

1- группа испытуемых, достигших пенсионного возраста.

0- группа испытуемых, не достигших пенсионного возраста.

* $p < 0,05$

** $p < 0,01$

*** $p < 0,001$

Результаты сравнения показателей временных перспектив по методике ZTP1 в группах лиц, достигших и не достигших пенсионного возраста показали, что в группе лиц, достигших пенсионного возраста, по сравнению с не достигшими этого возраста выше показатели по шкалам "Негативное прошлое" ($p < 0,01$) и "Фаталистическое настоящее" ($p < 0,001$). У мужчин, достигших пенсионного возраста, выше показатели по "Негативному прошлому" ($p < 0,01$) и по "Фаталистическому настоящему" ($p < 0,01$). У женщин, достигших пенсионного возраста, выше показатели по шкале "Фаталистическое настоящее" ($p < 0,01$) и ниже по "Гедонистическому настоящему" ($p < 0,05$).

Проведено сравнение показателей Индекс жизненной удовлетворенности у жителей Магадана, достигших и не достигших пенсионного возраста.

Таблица 2. Результаты сравнения Индекса жизненной удовлетворенности в группах (U- Манна-Уитни)

Группы сравнения		Результаты по группам независимо от пола		Результаты мужчин по группам		Результаты женщин по группам	
		1 (N=32)	0 (N=30)	1 (N=9)	0 (N=13)	1 (N=23)	0 (N=17)
Индекс жизненной удовлетворенности	M	22,03	28,43	24,04	30,23	24,74	26,89
	SD	7,53	7,64	5,72	5,72	5,17	8,52

		Результаты по группам независимо от пола	Результаты мужчин по группам	Результаты женщин по группам
U- Манна-Уитни	U	256,000**	10,500***	163,500

1- группа испытуемых, достигших пенсионного возраста.

0- группа испытуемых, не достигших пенсионного возраста.

**p<0,01

*** p<0,001

Выявлены значимые различия по Индексу жизненной удовлетворенности у достигших и не достигших пенсионного возраста независимо от пола ($p<0,01$), а также отдельно у мужчин ($p<0,001$). У мужчин, достигших пенсионного возраста, а также у лиц, достигших пенсионного возраста независимо от пола, показатели Индекса жизненной удовлетворенности ниже, чем у не достигших. У женщин статистически значимых различий не выявлено.

Таблица 3. Сравнение миграционных намерений в группах достигших и не достигших пенсионного возраста

Группы сравнения	Миграционные намерения	Достигли пенсионного возраста (N=32)		Не достигли пенсионного возраста (N=30)		Угловое преобразование Фишера ϕ^*
		ответ по анкете	n	%	n	
Выборка в целом (N=62)	Да	21	65,6	14	46,7	1,513*
	Нет	3	9,4	10	33,3	2,395**
	Не уверен	8	25	6	20,0	0,472
Мужчины (N=22)	Да	9	100	5	38,5	4,159** Ограничение критерия*
	Нет	0	0	4	30,8	
	Не уверен	0	0	4	30,8	
Женщины (N=40)	Да	12	52,2	11	64,7	0,797
	Нет	3	13	3	17,6	0,400
	Не уверен	8	34,8	3	17,6	1,233

*p<0,05

**p<0,01

Примечание: для применения критерия ϕ^* -угловое преобразование Фишера ни одна из сопоставляемых долей не должна быть равна нулю.

Сравнение миграционных намерений в группах испытуемых показала, что у лиц, достигших пенсионного возраста, в целом по выборке миграционные намерения встречаются чаще ($p<0,05$), а их отсутствие - реже ($p<0,01$), чем у не достигших. У всех мужчин, достигших пенсионного возраста, имеются миграционные намерения, они встречаются чаще ($p<0,01$), чем у не достигших. У женщин статистически значимые различия не выявлены.

Проверка значимости различий по выраженности миграционных установок с помощью Шкалы миграционных установок не выявила статистически значимых различий между группами лиц, достигшими и не достигшими пенсионного возраста, ни в целом по группам, а также ни у мужчин, ни у женщин.

Таблица 4. Связь миграционных установок и временных перспектив у мужчин, не достигших пенсионного возраста (R- Спирмена)

		Негативное прошлое	Гедонистическое настоящее	Будущее	Позитивное прошлое	Фаталистическое настоящее
Уровень	R	-0,105	-0,390	0,710**	0,095	-0,544

установки	p	0,732	0,188	0,007	0,758	0,055
Установк а субъекта	R	-0,163	-0,423	0,759**	-0,019	-0,616*
	p	0,594	0,150	0,003	0,950	0,025
Установк и близких	R	0,057	-0,312	0,459	0,470	-0,268
	p	0,853	0,300	0,115	0,105	0,377
Ожидания близких	R	-0,031	-0,129	0,677*	0,415	-0,462
	p	0,920	0,674	0,011	0,158	0,112

*p<0,05

**p<0,01

Таблица 5. Связь миграционных установок и временных перспектив у мужчин, достигших пенсионного возраста

		Негативное прошлое	Гедонистическое настоящее	Будущее	Позитивное прошлое	Фаталистическое настоящее
Уровень установки	R	-0,249	0,220	0,133	-0,880**	-0,154
	p	0,518	0,569	0,732	0,002	0,693
Установка субъекта	R	-0,251	0,092	0,379	-0,924***	-0,301
	p	0,515	0,813	0,314	0,000	0,431
Установки близких	R	0,017	0,345	-0,471	-0,374	0,096
	p	0,964	0,363	0,201	0,321	0,807
Ожидания близких	R	-0,129	0,051	-0,205	-0,496	-0,009
	p	0,741	0,897	0,598	0,175	0,983

**p<0,01

***p<0,001

У мужчин, не достигших пенсионного возраста, обнаружены положительные корреляции шкалы "Будущее" со всеми шкалами миграционных установок, кроме "Установок близких", а также отрицательная корреляция по шкале "Фаталистическое настоящее" с "Установкой субъекта" ($p<0,05$) и на уровне тенденции с "Уровнем установки" ($p=0,055$).

У мужчин, достигших пенсионного возраста, обнаружены отрицательные корреляции между шкалами "Позитивное прошлое" и "Установка субъекта" ($p<0,001$), а также "Уровнем миграционной установки" ($p<0,01$).

У женщин значимых корреляций миграционных установок и временных перспектив (в целом по выборке, у достигших и у не достигших пенсионного возраста) не обнаружено.

На выборке в целом обнаружена корреляция между шкалой "Будущее" и собственной установкой субъекта ($r=0,264$ $p<0,05$).

Таким образом, определенная связь между временными перспективами и миграционными установками имеется на выборке в целом, и более характерна для мужчин.

Статистически значимых связей между Индексом жизненной удовлетворенности и миграционными намерениями и установками ни по одной подгруппе выявлено не было.

Обсуждение

Результаты показали, что наступление пенсионного возраста, более раннее на Севере, становится переломным моментом перехода к психологическому кризису пожилого возраста, особенно у мужчин. Одним из индикаторов кризиса является снижение жизненной удовлетворенности у лиц, достигших пенсионного возраста, более характерное для мужчин. Полученные на выборке северян данные противоречат выводам американских авторов, не

обнаруживших значимых связей между возрастом и жизненной удовлетворенностью [Life Line, 1993, 111], а также выявленному в зарубежных исследованиях "парадоксу старения", согласно которому субъективное благополучие, удовлетворенность жизнью в пожилом и старческом возрасте могут быть высоки, несмотря на очевидные физические ограничения [Мелехин, 2015].

Проявлением переживания кризиса пожилого возраста (особенно для мужчин) является также ухудшение структуры временных перспектив. Рост показателей по "Негативному прошлому" проявляется в переживании сожаления, вины, обиды, разочарования, неудовлетворенности итогами прошедшей части жизни. Рост показателей по "Фаталистическому настоящему" проявляется в чувстве подавленности и обреченности, невозможности что-то изменить. У женщин, достигших пенсионного возраста, тенденции похожи, но чуть менее драматичны. Они менее склонны обесценивать прошлое, но и у них более свойственное им переживание позитивного настоящего меняется на переживание фаталистического настоящего. Такие результаты свидетельствуют о переосмыслении своего жизненного пути и кризисных изменениях в возрастной идентичности [Лидерс, 1998; Квасова, 2011], более характерных для мужчин.

В нашем исследовании не удалось статистически доказать, что миграционные установки усиливаются с наступлением пенсионного возраста. Однако выявлено, что распространенность миграционных намерений при достижении пенсионного возраста статистически значимо увеличивается. Эта закономерность так же более характерна для мужчин. Противоречие в результатах объяснимо особенностями методов изучения миграционных намерений и установок. Результаты Шкалы миграционных установок лучше прогнозируют реальное миграционное поведение, в то время как миграционные намерения лучше отражают общее настроение (неудовлетворенность настоящим местом жительства и желание его изменить). Полученный результат подтверждает наши предположения о росте распространенности миграционных намерений в критические периоды жизненного цикла [Кузнецова, Орехова, 2015]. Результат также позволяет сделать вывод, что миграционные намерения (желания, мечты о переезде), не обязательно подкрепленные реальными планами и возможностями для их реализации, могут выполнять функцию психологической защиты: фантазирования о переезде как реакция на жизненную неудовлетворенность.

Действительно, это подтверждают выявленные связи между миграционными установками и временными перспективами у мужчин в целом по выборке, а также у достигших и не достигших пенсионного возраста. Они показывают, что миграционные установки становятся и средством профилактики возрастного кризиса, и средством противостояния его негативным тенденциям, тем самым включаясь в систему защитно-совладающего поведения. Для мужчин в целом по выборке, а также для не достигших пенсионного возраста формирование миграционных установок имеет положительную связь с временными перспективами будущего, а для последних и отрицательную связь с "Фаталистическим настоящим". Формирование миграционных установок открывает жизненные перспективы, порождает цели, мобилизует активность в настоящем. Как показали наши предыдущие исследования, жителей Магадана на переезд мотивируют желание воссоединиться с родственниками и друзьями, надежды на улучшение здоровья на новом месте жительства, материального положения (более низкие цены), возможность найти работу. Для мужчин, достигших пенсионного возраста, обнаружены отрицательные корреляции между шкалой "Позитивное прошлое" и "Установкой субъекта", а также общим "Уровнем миграционной установки". Это может означать, что неудовлетворенность прошлым способствует формированию миграционных установок. Имеет

место и мотивы "убежать от проблем", "начать жизнь с чистого листа". У женщин не было обнаружено значимых корреляций миграционных установок и временных перспектив (в целом по выборке, у достигших и не достигших пенсионного возраста).

Выводы

Общая гипотеза нашего исследования в целом подтвердилась в отношении мужчин, достигших пенсионного возраста. Результаты показали, что в миграционно-подвижном регионе переживание психологического кризиса пожилого возраста имеет территориальную специфику.

Более раннее, согласно законодательству, достижение пенсионного возраста на Севере, стимулирует начало переживания психологического кризиса пожилого возраста, что более характерно для мужчин. Это проявляется в снижении жизненной удовлетворенности, негативных изменениях во временных перспективах, усилении миграционных намерений.

Миграционные намерения и формирование на их основе миграционных установок играют двойственную роль: являются как проявлениями психологического кризиса пожилого возраста, так и фактором адаптации к нему, элементом системы защитно-совладающего поведения. Результаты подтверждают важность приспособительных, адаптивных функциональных систем в преодолении возрастного кризиса пожилого возраста и дальнейшего психического развития [Дворянчиков, Соколинская, 2017].

Библиография

1. Беловол Е.В., Бойко З.В., Радыш И.В., Шурупова Е.Ю. Повышение качества жизни и динамика познавательных процессов как результат обучения в «Третьем возрасте» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2015. №4. С. 77-84.
2. Большой психологический словарь/ под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. СПб.: Прайм-Еврознак, 2006. 672 с.
3. Дворянчиков Н.В., Соколинская Е.В. Социально-психологическая адаптация в позднем возрасте и условия благополучного старения [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2017. Том 6. № 3. С. 53–63. doi:10.17759/jmfp.2017060306
4. Дубовик Ю.Б. Исследование психологического благополучия в пожилом и старческом возрасте [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. научный журнал. 2011. 1(15). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 24.06.2018). 0421100116/0005.
5. Зимбардо Ф., Бойд Дж. Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. СПб.: Речь. 2010. 352 с.
6. Головей Л.А., Стрижницкая О.Ю., Криулина А.В. Позитивное функционирование личности в пожилом возрасте: комплексный подход // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 36. С. 9. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 24.06.2018).
7. Квасова О.Г. Трансформация временной перспективы личности в экстремальной ситуации // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2011. № 4. С. 109–117.
8. Краснова О.В. Выход на пенсию и идентичность женщин // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 35. С. 6. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 24.06.2018).
9. Кузнецова С.А. Миграционные установки как предмет социально-психологических исследований // Социальная психология и общество. 2013. № 4. с. 34-45.
10. Кузнецова С.А., Кузнецов И.Ю., Фещенко А.В. Разработка шкалы миграционных установок личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2014. № 1. С.83-90.
11. Лидерс А.Г. Возрастно-психологические особенности консультирования пожилых людей // Психология зрелости и старения. 1998. № 4. С. 13—22.
12. Мелёхин А.И. Социо-эмоциональная селективность как фактор субъективного благополучия в пожилом и старческом возрасте [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2015. Том 4. № 3. С. 20–33. doi:10.17759/cpse.2015040302
13. Стрижницкая О.Ю. Эмоции и старение: современные парадигмы и актуальные направления [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2017. Том 6. № 3. С. 71–76. doi:10.17759/jmfp.2017060308

14. Суслова Т.Ф. Социальная активность личности как детерминанта позитивной адаптации и полноценной жизни в пенсионном возрасте [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2017. Том 6. № 3. С. 63–70. doi:10.17759/jmfp.2017060307
15. Суслова Т.Ф., Жучкова С.М. Исследование удовлетворенности жизнью и смысложизненных ориентаций в пожилом и старческом возрасте // Социальная психология и общество. 2014. Том 5. № 3. С. 78–90.
16. Шеманова Н. А. Особенности переживания прошлого и будущего мужчинами и женщинами в середине жизненного пути [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2012. № 1. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n1/50194.shtml (дата обращения: 20.06.2018)
17. Life Line и другие новые методы психологии жизненного пути. М.: Издательская группа "Прогресс" - "Культура", 1993. 230 с.
18. Neugarten B.S., Havigherst R., Tobin S.S. The measurement of life satisfaction // Journal of Gerontology. 1961. No 2. p. 135-143.

The psychological crisis of elderly age in the north migration-mobile region

Snezhana A. Kuznetsova

PhD in Psychology,
Associate professor,
Department of psychotherapy and psychological counseling,
Moscow Institute of psychoanalysis,
121170, 34, 14, Kutuzovsky ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: snejana.mgdn@mail.ru

Absract

The article is devoted to the study of the experience of the psychological crisis of the elderly in the Northern, migration-mobile region in connection with the earlier onset of retirement age. The criteria for experiencing the crisis of old age, and therefore, the subject of the study is life satisfaction, time prospects, as well as migration intentions and attitudes. The study involved 62 residents of Magadan aged 45 to 64 years. Methods: questionnaire containing questions about migration intentions, "life satisfaction index", ZPTI time perspective survey, author's scale of migration attitudes. The results showed that earlier retirement age in the North stimulates the onset of a psychological crisis in the elderly, especially in men: life satisfaction decreases, and the structure of time prospects worsens. In the migration-mobile region, the onset of the elderly crisis is accompanied by an increase in the prevalence of migration intentions. The results show that migration intentions and attitudes become both a means of preventing the age crisis and a means of countering its negative trends. The results can be used in psychological counseling on the issues of experiencing the crisis of old age in migration-mobile regions, on the formation of plans for moving, and if the desired move is not possible, on other ways to adapt to the crisis of old age.

For citation

Kuznetsova S.A. (2020) Psikhologicheskii krizis pozhilogo vozrasta v severnom migratsionno-podvizhnom regione [The psychological crisis of elderly age in the north migration-mobile region]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 9 (4A), pp. 33-42. DOI: 10.34670/AR.2020.94.97.004

Keywords

Elderly age, psychological crisis of elderly age, life satisfaction, time perspective, migration intentions, migration attitudes.

References

1. Belovol, E. V., Boyko, Z. V. & Radysh, I. V. (2015) Life quality increasing and dynamics of cognitive processes as the result of education at the "third age". *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 4. pp. 77-84.
2. Dubovik, Yu. B. (2011). Study of psychological well-being in elderly people. *Psikhologicheskie Issledovaniya*. 1(15). URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya: 24.06.2018). 0421100116/0005. (In Russian).
3. Dvoryanchikov, N. V., Sokolinskaya E. V. (2017). Socio-psychological adaptation in later age and conditions of successful aging [Elektronnyi resurs]. *Journal of Modern Foreign Psychology*. 6 (3), pp. 53–62. doi:10.17759/jmfp.2017060306. (In Russian).
4. Golovei, L. A., Strizhitskaya, O. Yu. & Kriulina, A. V. (2014). Personality positive functioning in elderly people: a complex approach. *Psikhologicheskie Issledovaniya*. 7 (36). 9. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya: 24.06.2018). <http://psystudy.ru/index.php/eng/2014v7n36e/1030-golovei36e.html>
5. Krasnova, O. V. (2014). Retirement and women's identity. *Psikhologicheskie issledovaniya*. 7 (35). 6. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya: 24.06.2018).
6. Kuznetsova, S. A. (2013). Migration Attitudes as the Subject of Social Psychological Research. *Social Psychology and Society* 4. 34-45. 2013 (In Russian).
7. Kuznetsova, S. A., Kuznetsov, I. Yu., & Feshchenko, A. V. (2014). Working out Migratory Attitudes Scale of Personality. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, (1), 83-90. (In Russ.).
8. Kvasova, O. G. (2011). Transformations of personal time perspective in extreme situation (review). *Moscow university bulletin (Vestnik) Seriya 14. Psychology/* (4), 109-117 (In Russian).
9. Lidars, A. G. (1998). Age and psychological peculiarities of counseling of the elderly. *Psikhologiya zrelosti i stareniya*. 4. pp. 13—22.
10. Life Line i drugie novye metody psikhologii zhiznennogo puti. Moscow: *Izdatel'skaya gruppa "Progress" - "Kul'tura"*, 1993. 230 p. (In Russian).
11. Meshcheryakov, B. G. & Zinchenko, V. P. (Eds). (2006). *Bol'shoi psikhologicheskii slovar'*. Sankt Peterburg: *Praim-Evroznak Publ.* 672 p. (In Russian).
12. Melekhin, A. I. (2015). Socio-emotional selectivity in elderly and old age as a factor of subjective well-being [Elektronnyi resurs]. *Clinical Psychology and Special Education*. 4 (3). 20–33. doi:10.17759/cpse.2015040302. (In Russian).
13. Neugarten, B. S., Havigherst, R. & Tobin, S. S. (1961). The measurement of life satisfaction. *Journal of Gerontology*. No 2. p. 135-143. (In English).
14. Shemanova, N. A. (2012). Peculiarities of experiencing past and future by men and women in the middle of the life journey [Elektronnyi resurs]. *Psychological-Educational Studies*. 1. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n1/50194.shtml (data obrashcheniya: 17.06.2019). (In Russian).
15. Strizhitskaya, O. Y. (2017). Emotions and ageing: modern paradigms and directions [Elektronnyi resurs]. *Journal of Modern Foreign Psychology*. 6 (3), pp. 71–76. doi:10.17759/jmfp.2017060308. (In Russian).
16. Suslova T.F. (2017). Social activity of the personality as a determinant of positive adaptation and full-fledged life at retirement age [Elektronnyi resurs]. *Journal of Modern Foreign Psychology*. 6 (3), pp. 63–70. doi:10.17759/jmfp.2017060307. (In Russian).
17. Suslova, T. F., Zhuchkova, S. M. (2014). Research on Life Satisfaction and Life Orientations in Late Adulthood. *Social Psychology and Society*. 3. pp. 78–90. (In Russian).
18. Zimbardo, F. & Boid, G. (2010). Paradoks vremeni. *Novaya psikhologiya vremeni, kotoraya uluchshit vashu zhizn'*. Sankt Peterburg: *Rech' Publ.* 352 p. (In Russian).